

ЧЕРНАЯ ПЕЧАТЬ

Сергей Шаповалов

Черная печать

<https://litres.ru/74215142>

SelfPub; 2026

Аннотация

Случайно найденный дневник женщины, погибшей в девяностых, проливает свет на страшную правду: это не кризис среднего возраста и не измена. Это работа деструктивного культа «Церковь Истинного Света», возглавляемого психологом-манипулятором Германом Левитским. Секта использует гипноз, психоактивные вещества и древние ритуалы для полного стирания личности адептов.

Илья понимает, что теряет жену буквально по капле — её волю заменили программой, а душу привязали обсидиановым амулетом. Чтобы вернуть Марину, ему предстоит спуститься на самое дно столицы, где под прикрытием элитных фондов проводятся кровавые инициации. Но враг обладает огромной властью, связями в верхах и умением превращать людей в безвольных марионеток.

Это история о любви как форме безумия, тонкой грани между верой и зомбированием и о том, какую чудовищную цену приходится платить за спасение души близкого человека из огня инквизиции XXI века.

Содержание

Часть первая. Пыль времен	6
Холод стекла	6
Дневник Анны	11
Охота	14
Иллюзия покоя	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Шаповалов

Черная печать

Черная печать

ЧЁРНАЯ ПЕЧАТЬ

Часть первая. Пыль времен

Холод стекла

Илья стоял на коленях перед иконой XVII века уже третий час. В реставрационной мастерской пахло рыбьим клеем, спиртом и старой пылью — запахом остановившегося времени. За окном шумела Москва двадцать шестого года: гудели электромобили, где-то вдали надсадно выла сирена скорой помощи, но здесь, за толстыми кирпичными стенами бывшего доходного дома, царила вязкая тишина.

Он работал тончайшим скальпелем, снимая слой потемневшей олифы. Под его пальцами проступал лик Спаса Нерукотворного. Илья чувствовал странное родство с этим темным деревом. Он тоже казался себе покрытым слоями чужих наслоений, которые нужно было бережно снять, чтобы добраться до сути. Но суть ускользала.

Телефон завибрировал по столу беззвучно — вибрация передавалась через дерево верстака. Четвертый пропущенный от Марины.

«Опять», — подумал он без злобы, скорее с глухой, при-

вычной усталостью.

Их брак напоминал эту икону: снаружи всё еще виднелись черты былой красоты, позолота венчания, яркие краски медового месяца, но внутри поселился грибок отчуждения. Марина менялась медленно, почти незаметно для постороннего глаза, как меняется климат в запертом помещении. Сначала она перестала смеяться его шуткам. Потом её смех вообще исчез из квартиры. Затем начались задержки.

— Я у Кати, — говорила она своим новым, ровным голосом, лишенным прежних певучих интонаций. — Мы пьем чай.

Но когда Илья звонил Кате (один раз, со стыдом признаваясь себе в этом мелком сыщицком порыве), Катя удивилась: «Маринка? Да она неделю не заходила».

Мир Ильи сужался до размеров мастерской днем и пустой квартиры вечером. Он перестал готовить ужин на двоих. Ел стоя, прямо из сковороды, глядя в черноту окна, отражавшую лишь его собственное осунувшееся лицо с трехдневной щетиной. Ему было тридцать восемь, и он вдруг ощутил себя стариком, пережившим собственную жизнь.

Вечером замок щелкнул так громко, что Илья вздрогнул. На пороге стояла Марина. Она сняла дорогое кашемировое

пальто, небрежно бросив его на банкетку. Раньше она бы аккуратно повесила его в шкаф. Сейчас движения её стали резкими, механическими.

— Привет, — сказал Илья, стараясь вложить в голос всю ту теплоту, которая скопилась невостребованной за день. — Ужин...

— Я не голодна, — перебила она.

Она прошла на кухню, открыла холодильник, достала бутылку дорогого итальянского просекко. Щелчок пробки прозвучал как выстрел. Она налила бокал, сделала большой глоток и села за стол, закинув ногу на ногу. Её взгляд блуждал где-то поверх головы мужа.

— У тебя амулет новый? — спросил Илья просто так, чтобы заполнить вакуум звуком.

Марина коснулась шеи. Между ключиц, на тонкой платиновой цепочке, висел предмет. Это была не обычная бижутерия. Тяжелый кусок необработанного обсидиана или черного агата, оправленный в тусклое серебро, формой напоминающий слезу или каплю застывшей смолы.

— Нравится? Артур подарил.

Имя ударило Илью под дых. Артур. Тот самый мужчина, которого он видел однажды издалека, выходящим из их офиса одновременно с Мариной. Высокий, одетый в безупречно серый костюм, двигавшийся с плавностью хищника. От него исходила та самая спокойная уверенность, которой так мучительно не хватало самому Илье.

— Ты... ты обедаешь с ним? — голос Ильи сел.

— Мы работаем над проектом, — она пожала плечами. В её глазах не было ни вины, ни вызова. Только пустота. — Он гениальный стратег. Счастье работать с таким человеком.

Слово «счастье» прозвучало мертво. Как цитата из рекламного буклета.

В этот момент Илью пронзило ледяное понимание. Дело было не в любовнике. Любовники суеются, прячут глаза, лгут вдохновенно. Марина не лгала. Она просто констатировала факт, находясь в другой реальности. Она смотрела сквозь него, Илью, словно тот был грязным пятном на стекле трамвая.

— Ма-а-рин, — протянул он, вставая. — Посмотри на меня.

Она перевела взгляд. И Илья похолодел. Зрачки её были

расширены так, что радужка превратилась в тонкий коричневый ободок. Белки чуть покраснели. Но главное — выражение лица. Оно было абсолютно умиротворенным, блаженным. Такими бывают лица святых на фресках после мученической смерти.

— Я люблю Артура, — сказала она тихо, с легкой улыбкой. — Я никогда не была так счастлива. Наконец-то я поняла, зачем живу. А ты... ты всегда тянул меня вниз. Своей пылью. Своей тоской.

Это было хуже измены. Измена — это болезнь тела, которую можно лечить ненавистью или прощением. То, что происходило сейчас, походило на смерть души при живом теле. Она поднялась, обошла его, как мебель, и скрылась в спальне. Через минуту раздался звук льющейся воды в душе.

Илья остался стоять посреди кухни. Он подошел к столу, взял её бокал с шампанским и понюхал. Виноград, дрожжи. Ничего химического. Никакого запаха медикаментов. Тогда почему она смотрит глазами утопленницы?

Дневник Анны

На следующий день работа не шла. Руки дрожали. Скальпель соскочил, оставив белую царапину на лице Христа. Илья выругался шепотом. Грех. Он испортил вековую реликвию из-за своей домашней грязи.

Заведующий отделом, старый профессор Истомин, заглянул в мастерскую:

— Что, Илюша, рука бойца колоть устала? Бывает. Перекури.

Профессор кивнул на соседний стол, где лежал массивный деревянный переплет.

— Новое поступление. Частная коллекция предпринимателя Савватеева распродается. Там коробку с бумагами нашли на чердаке особняка в Замоскворечье. Девяностые годы. Смутное время. Полистай, может, мусор, а может — жемчужина.

Дневник оказался тетрадь в дерматиновом переплете грязно-зеленого цвета. Почерк был нервным, летящим, с сильным наклоном вправо. Анна Воронцова.

Илья открыл наугад.

«14 октября 1998. Герман говорит, КП что мы должны отдать ему старую кожу. Я больше не хочу бояться. Мама звонит, плачет, говорит, что я попала в секту. Они ничего не понимают. Здесь Свет. Герман обещал мне очищение. Сегодня давали пить воду из серебряного кубка. Мне стало так легко...»

У Ильи засосало под ложечкой. Профессиональное чутье историка кричало об опасности. Он перевернул страницу.

«Артур привел новых людей. Он называет их "ищущими". У него дар убеждения. Когда он смотрит в глаза, забываешь свое имя. Герман доволен им. Говорит, Артур прошел вторую ступень посвящения. Носит знак Камня».

Илья пролистал дальше, чувствуя, как холодеет затылок. Рисунок на полях. Коряво нарисованная тушью подвеска. Капля, заключенная в круг неправильной формы. Автор дневника даже приписал сбоку: «Обсидиан. Очень холодный. Греется только от кожи».

Точно такой же камень сейчас касался кожи Марины.

Илья начал читать лихорадочно, пропуская бытовые дета-

ли, впиваясь в смысл.

Левитский Герман. Психолог-фрилансер, организовавший тренинги личностного роста в конце девяностых. Обычная история того времени: гипноз, групповая терапия, разрыв связей с семьей («токсичное окружение»). Но финал дневника был жутким.

«Они готовят Очищение Огнем. Герман сказал, что физический сосуд несовершенен. Те, кто истинно верует, перейдут в Лучистую Формацию. Остальные останутся гнить в материи. Артур сегодня смотрел на меня странно. Сказал, что моя любовь к нему должна сгореть, чтобы возродиться чистой. Я боюсь огня, но Герман держит мою руку. Его руки такие теплые...»

Записи обрывались датой десятидневной давности относительно момента обнаружения дневника. Двадцать семь лет назад.

Илья захлопнул тетрадь. Сердце билось где-то в горле. Совпадений не бывает. Артур. Обсидиановый амулет. Взгляд, смотрящий в вечность. Изменение пищевых привычек (в дневнике упоминалось «священное голодание»).

Это не кризис среднего возраста. Это не депрессия. Это программирование.

Охота

Домой Илья ехал, нарушая все правила дорожного движения. Страх сменился холодной, звенящей яростью. Кто-то трогал его жену. Нет, не так. Кто-то залез ей в голову тупым ножом и вырезал оттуда его, Ильи, место.

Ключ повернулся в замке слишком легко. Дверь была не заперта. Или он забыл закрыть её утром в тумане?

В гостиной горел торшер. Марина сидела в кресле, подбрав ноги. Перед ней на журнальном столике лежали распечатанные листы — какая-то схема, графики. Рядом брошюра с золотым тиснением: «Церковь Истинного Света. Путь к Пробуждению».

— Зачем ты оставила дверь открытой? — хрипло спросил Илья.

— Энергия не должна встречать преград, — ответила она, не поднимая глаз от бумаги. — Закрытая дверь — символ закрытого сознания. Учитель говорит...

Учитель. Не начальник. Не психотерапевт. Учитель.

— Марина, посмотри на меня! — он шагнул вперед и

схватил её за плечи.

Её тело оказалось пугающе расслабленным, ватным. Она подняла голову. Та же пустота в глазах.

— Отпусти. Ты причиняешь мне вибрационную боль. Твой гнев загрязняет ауру квартиры.

Илья отшатнулся, отпустив её. Он почувствовал физическое отвращение, будто дотронулся до слизи.

— Кто такой Герман Левитский?! — крикнул он.

Лицо Марины дрогнуло впервые за вечер. Мышцы вокруг рта напряглись, как у человека, борющегося с судорогой.

— Он... Проводник, — выдавила она. — Тебе не понять. Ты слеп. Ты состоишь из страха и праха.

Она встала и пошла в спальню. Илья услышал, как открывается балконная дверь. Вышел следом.

Балкон выходил на тихий двор. Октябрьский ветер трепал волосы Марины. Она стояла у самого края, держась одной рукой за перила. В другой руке она сжимала амулет.

— Они ждут меня, — сказала она в ночь. — Завтра полнолуние. Ритуал перехода. Артур сказал, что если я приведу тебя... если твоя душа будет сопротивляться... нам придется

сделать выбор.

— Какой выбор? — прошептал Илья, делая шаг к ней. Одно движение — и она перелетит через низкие перила третьего этажа.

— Очистить тебя насильно, — спокойно пояснила она. — Или освободить тебя от твоего страдания. Освобождение часто выглядит как трагедия для тех, кто спит.

Илья замер. Теперь он понял природу своего страха. Это был не страх развода. Это был животный ужас перед сумасшедшим с бритвой. Только бритва была в голове у самого близкого человека.

— Где они собираются? — спросил он, стараясь говорить ровно.

Марина обернулась. На губах её играла снисходительная улыбка врача психиатрической клиники, разговаривающего с буйным пациентом.

— Тебе там не место, Илюша. Ты слишком тяжел. Твоя карма полна долгов. Оставь меня. Живи свою серую жизнь. Прощай.

Она закрыла за собой стеклянную дверь балкона. Щелк-

нул шпингалет.

Илья ударил кулаком в стекло. Не разбил, лишь разбил косяшки. Боль отрезвила. Он посмотрел на свою кровь, темнеющую на белом пластике рамы.

Значит, война. Раз она выбрала их сторону, значит, дипломатия окончена. Если эта структура съела её мозг, он должен найти и уничтожить сам желудок, переваривающий людей.

Он вернулся в комнату, взял ноутбук Марины, оставленный на кровати. Пароль она никогда не меняла — дата их свадьбы. Экран вспыхнул.

В мессенджере открыт чат. Название: «Лучистая Формация | Координация».

Список участников. Десятки имен.

Аватар администратора.

Илья увеличил фото.

Мужчина лет сорока пяти. Глубокие морщины, седина на висках, пронзительные светлые глаза и мягкая, отеческая улыбка пастыря доброго стада.

Герман Левитский.

А вторым номером в списке личных контактов, отмеченным сердечком, значился профиль Артура.

Под аватаром Артура статус: «Охотник чистит лес от больных зверей. Жду тебя завтра на Испытании, любимая».

Илья закрыл крышку ноутбука. В комнате пахло озоном после грозы и чужими духами. Личная драма кончилась. Началась совсем другая история.

Часть вторая. Тень на стене

Иллюзия покоя

Утро вошло в квартиру не светом, но тяжелой, осязаемой тишиной. Илья проснулся от того, что ему не хватало воздуха. Простыни с его стороны кровати были холодны и смяты так, словно он провел ночь в беспрестанной борьбе с невидимым врагом.

Марины не было. На подушке рядом лежала лишь глубокая вмятина, хранящая слабый запах тех самых чужих духов — терпких, напоминающих ладан и прелую листву. Он встал, подошел к окну. Двор внизу жил своей обычной жизнью: дворник в оранжевом жилете лениво водил метлой по мокрому асфальту, ребенок капризничал у коляски. Обыденность этого утра казалась Илье чудовищным обманом. Как можно мести дворы, когда вчера вечером твоя жена стояла на краю балкона и говорила о «ритуале перехода»?

Он прошел на кухню. На столе стоял второй бокал из-под шампанского, до краев наполненный водой. Рядом лежала открытая брошюра. Илья взял её брезгливо, двумя пальцами, словно ядовитое насекомое. Плотная бумага, золотое тиснение. «Церковь Истинного Света». Фотография улыбающегося Германа Левитского. В этом человеке не было ниче-

го демонического: мягкие черты лица, уютный свитер крупной вязки, глаза человека, который простил вам все долги еще до вашего рождения. Именно такие люди умеют открывать двери в самые темные подвалы человеческой души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.